

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501

УДК 821.161.1+930.25

М. А. Калинин*Московский государственный университет
(Москва, Российская Федерация)*

mckalinin99@gmail.com

Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам)*

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот архивные материалы — дела с формулярными и послужными списками установленных прототипов начальства в «Записках из Мертвого Дома»^{**}. Изучение биографий плац-майора Кривцова, полевого инженера Гладышева, главного лекаря Троицкого и ординатора Ловчинского, занимавших военные и медицинские должности в период каторги писателя в Омске, дает возможность не только дополнить картину сибирского окружения Достоевского, но и проследить, какие черты начальников преломились в образах героев произведения. Ряд событий и деталей раскрывают воспоминания ссыльного поляка Юзефа Богуславского. Выявление новых фактов и дополнение уже известных позволяет уточнить «прототипичность» персонажей «Записок из Мертвого Дома» Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «Записки из Мертвого Дома», образ начальника, образ врача, национальный тип, Кривцов, Гладышев, Троицкий, Ловчинский, Богуславский, Токаревский

Об авторе: Калинин Михаил Андреевич — студент факультета журналистики, Московский государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019)

Дата поступления: 01.12.2019

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Калинин М. А. Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 69–100. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501

«Записки из Мертвого Дома» отражают духовный перелом Ф. М. Достоевского, испытанный им на каторге в Омском остроге в 1850–1854 гг. Высокая степень реалистичности произведения не подлежит сомнению. Подтверждение многих фактов, событий, подробности быта арестантов

и даже реально существовавших конкретных лиц мы находим в письмах и воспоминаниях современников писателя, его сибирского окружения. О точности некоторых мемуарных свидетельств сказать с полной уверенностью нельзя. Однако автобиографичность «Записок...» также подтверждена научными исследованиями, опирающимися на архивные источники¹ [Громыко], [Дьяков], [Вайнерман]. Благодаря им было установлено большинство прототипов персонажей, созданных Достоевским и превратившихся в самобытные литературные образы.

На пенсион и мундир в отставке право имеющий

Ключевая фигура среди военного начальства в «Записках...» — плац-майор, прототипом которого стал Василий Григорьевич Кривцов. Достоевский пишет о нем в первом после выхода с каторги письме к брату Михаилу от 30 января — 22 февраля 1854 г.:

«...плац-майор Кривцов — каналья каких мало, мелкий варвар, сутяга, пьяница, всё, что только можно представить отвратительного» (Д30; 28₁: 169).

Рассказчик Горянчиков вспоминает о знакомстве с плац-майором следующим образом:

«Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшуюся в его паутину» (Д30; 4: 214).

В этой художественной характеристике угадывается впечатление самого писателя от реальной встречи с Кривцовым по приезду в крепость. Следующие строки из письма к брату буквально пересказывают эпизод представления «двух преступников» плац-майору:

«Началось с того, что он нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело и обещался при первом проступке наказывать нас телесно» (Д30; 28₁: 169).

В то время как о благородном, рассудительном коменданте² и демократичном, обожаемом всеми арестантами подполковнике Г—кове в тексте произведения содержится несколько строк, плац-майора писатель упоминает более двадцати раз. Кривцов произвел тяжелое впечатление на Достоевского. Схожие описания начальника, саркастически прозванного «Васей», «Васькой», мы находим в мемуарных записках польских каторжников Юзефа Богуславского («Воспоминания сибиряка») и Шимона Токаржевского («Семь лет каторги»)³. Например, в «Воспоминаниях сибиряка» Богуславского, напечатанных в 1896 г. в краковской газете «Новая реформа», по красноте лица Кривцова прибывший в крепость политический преступник догадывается о его страсти к бутылке:

«В шлафроке в очках вышел к нам наполовину седой тучноватый мужчина чуть выше среднего роста. Его небольшие усы соединялись с узкими бакенбардами, шнуром пересекая выпирающие налитые щеки, красные, как и его глаза; все лицо явно говорило, что Вася уже прошел половину пути к состоянию горького пьяницы» [Дьяков: 205] (перевод В. А. Дьякова).

В «Записках...» вызывает отвращение не только внешний вид плац-майора, но его психологический портрет: «восьмиглазый», «фатальное существо» для арестантов (ДЗ0; 4: 14), «бездарный исполнитель закона» (ДЗ0; 4: 117). Даже говоря о доме плац-майора, Горянчиков не может не упомянуть о своей личной неприязни:

«Дом нашего плац-майора казался мне каким-то проклятым, отвратительным местом, и я каждый раз с ненавистью глядел на него, когда проходил мимо» (ДЗ0; 4: 178).

В письме к брату Достоевский дает собственную оценку поступкам Кривцова:

«Он уже года два был плац-майором и делал ужаснейшие несправедливости. Через 2 года он попал под суд. Меня Бог от него избавил. Он наезжал всегда пьяный (трезвым я его не видал), придирался к трезвому арестанту и драл его под предлогом, что тот пьян как стелька» (ДЗ0; 28; 169).

В рукописи воспоминаний Богуславского, текст которой не переведен на русский язык, грозный и всесильный «Васька» раскрывается с другой стороны. Когда Кривцов занял должность плац-майора и начал устраивать бесчинства, еще до прибытия на каторгу автора мемуаров⁴, один из арестантов попытался убить его, набросившись на него с кирпичом. В «Записках...» Горянчикову рассказывают об этом случае, когда он лежит в госпитале. Богуславский упоминает имя этого бесстрашного каторжника — Власов⁵. В течение 24 часов ему вынесли приговор — 3000 ударов палок. Власов выдержал только две тысячи, оставшаяся тысяча была нанесена уже по мертвому телу (в «Записках...» он умирает в госпитале через три дня после наказания). Все присутствовали на экзекуции — Васька хотел, чтобы каждый видел, к чему приводит покушение на его жизнь. Так наказание превратилось в публичную казнь. Несмотря на это, у каторжников вызревал новый план убийства Васьки, но никто не осмеливался осуществить его. Однажды плац-майор пришел в казарму и поднялся гам: одни побуждали других отомстить Кривцову. Васька вздрогнул от страха и начал клясться им в том, что исправится. Богуславский пишет:

«Pociesznie — mówią — było patrzeć, jak ów wszechwładny, groźny władca więzienia przemienił się spokojnego baranka imówił głosem drżącym i trwożliwym: „Co Wy, dzieci, chcecie? Ja będę ojcem dla Was, ja Was kaszą karmić

będzie!» [Polacy z Wilna...: 99] («Говорят, забавно было наблюдать, как этот всемогущий, грозный властелин острога превратился в смиренного агнца и говорил голосом дрожащим и робким: “Чего вы, дети, хотите? Я буду отцом вам, я вас кашей кормить буду!”»)⁶.

Как пишет ссыльный поляк, плац-майор «сдержал обещание»: он кормил арестантов ячменной кашей по воскресеньям и праздникам и березовой — каждый день (300 розог было самой маленькой порцией, которую Вася давал своим «любимым детям»). Богуславский отмечает, что благосклонность Кривцова зависела от настроения или от количества выпитой водки — часто он наказывал ни за что, для своего удовольствия. Одним из распространенных проступков «детей» был сон на правом боку. Кривцов утверждал, что Христос спал на левом, и поэтому все должны следовать в этом Сыну Божьему. Автор мемуаров не скрывает своего возмущения самодурством плац-майора и отведенной ему ролью в остроге:

«I takiemu człowiekowi oddana była bezpośrednia władza nad zgangrenowaną częścią, nad wrzodem społeczeństwa ludzkiego. Łotr, pijak i rozpustnik miał czuwać nad poprawą obyczajów tych, którzy nie myśleli oniczym innym, jak on, czyli ozaspokojeniu swych zwierzęcych namiętności, ośpełnieniu niecznych zamiarów» [Polacy z Wilna...: 99] («И такому человеку отдана была непосредственная власть над прогнившей частью, язвой человеческого общества. Подлец, пьяница и развратник должен был следить за исправлением нравов тех, кто не думал ни о чем другом, как и он сам, кроме как об удовлетворении своих животных пристрастий и об исполнении постыдных замыслов»).

С негодованием Богуславский комментирует показное следование Кривцова порядкам в остроге, когда плац-майор приказал продать их с Жоховским⁷ вещи, конфискованные по прибытии на каторгу, а вырученные деньги использовать для улучшения питания осужденных:

«Jak? Kto to kupił? To tajemnica, o tym nikt nie wiedział. Wiem tylko, że nieco później, będąc w mieszkaniu Waśki podczas robót malarskich, poznałem nasze safianowe poduszki na łóżku Waśki, zaś jelonkowe ubranie Aleksandra Mireckiego zabezpieczało go od zimna!» [Polacy z Wilna...: 96, 97–98] («Как? Кто это купил? Для всех это было тайной. Знаю только, что немного позже, находясь в жилище Васи во время малярных работ, я узнал наши сафьяновые подушки на кровати Васьки, а одежда Александра Мирецкого из оленьей шкуры защищала его от холода!»).

Произвол Кривцова в остроге не знал границ. Только один человек мог влиять на поведение плац-майора — комендант Омской крепости Алексей Федорович де Граве, но на все выходки подчиненного старший по должности будто бы закрывал глаза. Весьма правдоподобная причина этого

раскрывается в воспоминаниях Богуславского. И Богуславский, и Токарежский рассказывают удивительную историю о военном губернаторе Западной Сибири — князе Петре Дмитриевиче Горчакове, который «открыто сожительствовал с женой генерала Шрамма — он был директором кадетского корпуса Сибири» [Токарежский: 174]. Дальше автор книги «Семь лет каторги» пишет, как отношения между женой коменданта и генеральшей Шрамм (Шрамовой — у Богуславского) повлияли на службу де Граве:

«И мужа этой замечательной женщины, Алексея де Граве, человека учтвого и благородного, князь Г. преследовал за то, что Анна Андреевна избегала того, к чему стремились другие, она не хотела знаться с генеральшей Шрамм и бывать на балах у генерал-губернатора» [Токарежский: 175–176].

Однако только Богуславский объясняет, как нерасположение князя Горчакова связало руки коменданту Омской крепости в отношении плац-майора:

«[Generał-gubernator] dokuczał za to jej mężowi. [Dlatego] nie zwracał najmniejszej uwagi na to, co robił Wasia [Krywcow]. Ten przecież nie słuchał komendanta, chociaż “czynopoczytanie” było ściśle przestrzegane w Rosji». [Polacy z Wilna...: 106] («Генерал-губернатор за это досаждал ее мужу. Поэтому не обращал ни малейшего внимания на то, что делал Вася Кривцов. Тот все-таки не слушал коменданта, хотя “чинопочитание” строго соблюдается в России»).

Вероятно, крайняя порочность начальника, в беспредельной власти которого находилось более 150 человек⁸, и объясняет, почему этому персонажу писатель отводит такое значительное место в «Записках...», почему в мемуарных записях ссыльных поляков Богуславского и Токарежского так много историй о Ваське. Стремление Достоевского «найти человека в человеке» обращено в произведении не только к заключенным преступникам, но и к начальству — омскому плац-майору Кривцову. В. П. Владимирцев пишет о литературном новаторстве писателя: «Книгой о Мертвом Доме он мужественно бросил вызов литературе полуправды о человеке. По его творческой воле Горянчиков–повествователь, соблюдая чувство меры и такта, заглядывает во все уголки человеческой души, не избегая самых дальних и мрачных» [Владимирцев, 1997: 757].

Однако нельзя не согласиться с мнением исследователя сибирского периода Достоевского В. С. Вайнермана о присутствии гротескных черт в образе плац-майора, рисующих его комически уродливым, подобно «злым» персонажам русских народных сказок: «В книге плац-майор — воплощение зла, но воплощение несколько шаржированное» [Вайнерман: 150].

Для Достоевского Кривцов был озлобленным и своевольным начальником. О прошлом плац-майора в «Записках...» сказано, что он был городничим

в городе, где стоит острог, а о дальнейшей судьбе приводятся следующие сведения:

«Не понимаю, как мог он кончить благополучно; он вышел в отставку жив и здоров, хотя, впрочем, и был отдан под суд» (ДЗ0; 4: 14);

«Мечта его не осуществилась: он не женился...» (ДЗ0; 4: 218);

«Он вышел в отставку, пару серых продал, потом всё имение и впал даже в бедность» (ДЗ0; 4: 218).

В. С. Вайнерман уточнил некоторые факты из его биографии.

Мы узнаем, что Василий Григорьевич происходил из дворян Томской губернии. С 21 марта по 27 сентября 1846 г. наш прототип исполнял должность не городничего, а полицмейстера Омска, а со 2 октября 1846 г. по 2 ноября 1851 г. находился в должности плац-майора. После ревизии из Петербурга (о которой упоминается в тексте произведения) в августе 1851 г. Кривцов действительно был отдан под суд и ему было предложено уйти в отставку — тогда он просит уволить себя от службы «по домашним обстоятельствам». Однако плац-майор находился под следствием и не имел права «на награду при отставке следующим чином, мундиром и пенсионом, впредь до окончания оного» [Вайнерман: 151], но при этом в отставку вышел подполковником, как пишет Вайнерман, не без чьей-то благосклонной руки. Документы Исторического архива Омской области, к которым обратился исследователь, подтвердили, что Кривцов «скончался скоропостижно» 5 марта 1861 г. [Вайнерман: 156]. Об этом Достоевскому сообщали в письмах из Омска.

В Российском государственном военно-историческом архиве мы обнаружили документ, который открывает новые подробности, — дело «О назначении пенсии вдове подполковника Валентине Кривцовой»⁹ (см. *Илл. 1 в Приложении*). Само название дела говорит о том, что мечта плац-майора о женитьбе все-таки сбылась: 27 октября 1857 г. при Богородской церкви Омского военного госпиталя подполковник в отставке обвенчался с дочерью коллежского секретаря — дворянкой Валентиной Филипповной Поспеловой. И спустя 40 лет с небольшим, 30 июля 1898 г., вдова Кривцова — уже петербурженка, живущая на Слоновой улице (д. 65, кв. 93), — подает прошение военному министру об увеличении размера пенсии (см. *Илл. 2 в Приложении*):

«Имея болезненное состояние и старческий преклонный возраст и получая пенсию в размере 115 р. в год, я крайне нуждаюсь в средствах для самого необходимого существования»¹⁰.

Через два года, 1 марта 1900 г., она умирает, по сведениям адресного стола¹¹.

Особая ценность этого прошения состоит в том, что к нему прикладывается копия указа об отставке мужа, выданная 29 марта 1856 г., с подробным формулярным списком. Согласно этому списку, на момент выдачи указа

Василий Григорьевич был в возрасте 50 лет (по данным Вайнермана, в 1851 г. майору было 47 лет). В нем впервые обнаруживаются детали, вероятно, того самого следствия над Кривцовым, из-за которого он ушел в отставку (см. *Илл. 3 в Приложении*):

«...за время исправления должности Омского полицмейстера состоял под следствием о притеснениях, учиняемых Г. Кривцовым омскому купцу (что ныне мещанин) Бурнакину при вывозе им товаров из киргизской степи»¹².

Токаржевский также вспоминает:

«За что? Нам не очень и хотелось вникать в это дело <...> обнаружили какие-то давние грешки, какие-то взятки, мошенничества...» [Токаржевский: 44].

Однако Тобольский губернский суд в апреле-мае 1855 г. освобождает Кривцова от следствия и избавляет от строгого замечания, которое должны были внести в его формулярный и служебный список. Почему? В найденном нами документе ответ на этот вопрос мы не находим.

Примечательно, что ни у Кривцова, ни у его родителей не было имения. Скорее всего, проданное из бедности имение плац-майора в «Записках...» — элемент художественного вымысла. Но большее внимание в том же архивном деле привлекает свидетельство о состоянии здоровья Кривцова, приложенное к прошению вдовы (см. *Илл. 4 в Приложении*):

«Г. Кривцов страдает периодическим удушьем и кровохарканием, ревматическою болью верхних и нижних конечностей, слабостью зрения на левый глаз и тупостью¹³ слуха на левое ухо; сверх сего имеет значительное затвердение печени, сопряженное с геморроидальными припадками»¹⁴.

Здесь раскрывается причина, по которой омский плац-майор избежал взысканий, находясь под следствием в отставке, согласно формулярному списку. В 1840 г. Кривцов участвовал в экспедиции против горцев¹⁵ на восточном берегу Черного моря, во время которой попал в перестрелку «близ форта Головинского», получив «контузию ружейною пулею в левую сторону головы» и ушиб о баркас, и переболел простудой. Расстроенное на службе здоровье, как сказано в формулярном списке, «на основании Свода Военных постановлений Книги II раздела II главы III статьи 579-й», дало ему «право просить о награждении его пенсионом»¹⁶ (см. *Илл. 4 в Приложении*). Возможно, по этой же причине он мог претендовать на награду следующим чином и на ношение мундира. Так или иначе, Император повелел майора «считать уволенным от службы подполковником, дозволить ему носить в отставке мундир и производить ему в пенсион две трети полученного им на службе жалованья, по двести пятнадцать руб. сер. в год»¹⁷ (см. *Илл. 5 в Приложении*). Кроме того, 7 июня 1841 г. Кривцов был награжден орденом

Св. Анны 3 степени с бантом «за примерную храбрость, неустрашимость и мужество в делах против горцев в 1840 году»; в 1844 г. он получил орден Св. Владимира 4 степени «за отлично усердную и ревностную службу» и знак отличия беспорочной службы за 15 лет; а в 1845 г. был пожалован орденом Св. Станислава 2 степени «за отлично усердную и ревностную службу и за неимением в ротах в течение двух лет ни одного бежавшего»¹⁸.

Эти факты из биографии Кривцова позволяют нам более пристально взглянуть на персонажа «Записок...». Нельзя оправдать произвол и бесчинства Василия Григорьевича, которые он учинял в должностях омского полицмейстера и плац-майора и от которых «Бог избавил» писателя. Но любопытно принять во внимание и другие, порой тяжелые эпизоды его жизни. Как и Достоевскому, нам важно добраться до сути: неужели неограниченная власть над арестантами убила в нем человека? Заметим, что «Записки...» дают не только отрицательные характеристики плац-майору. Даже в таком «злом и беспорядочном человеке» Горянчиков пытается усмотреть светлые начала. По словам арестанта из русских дворян Акима Акимыча:

«Он действительно имел некоторые способности; но всё, даже и хорошее, представлялось в нем в таком исковерканном виде» (ДЗ0; 4: 28).

Особенно может удивить и тронуть читателя любовь плац-майора к пудлю Трезорке:

«...чуть с ума не сошел с горя, когда Трезорка заболел. Говорят, что он рыдал над ним, как над родным сыном» (ДЗ0; 4: 28).

В свою очередь, и рассказчик, испытывающий антипатию к начальнику, приводит сцену раскаяния плац-майора в несправедливом наказании Ж—кого. Как сказано в «Записках...», плац-майор, довольный росписями в своем доме, сделанными заключенными поляками под руководством Б—ма, начал им покровительствовать. В мемуарах Богуславский пишет, что весь острог загорелся ненавистью к ним, когда Кривцов разрешил им поместиться в одной казарме [Polacy z Wilna...: 117]. В канун Рождества он даже освободил поляков от работы, дал им денег на полфунта рыбы (цена за фунт рыбы в Сибири доходила до 40 грошей), заказал мясо, масло, кашу и позволил отмечать предстоящий праздник по-своему [Polacy z Wilna...: 118]. А в один день Кривцов полностью взял их под свою защиту, за исключением Александра Мирецкого, которого преследовал до последнего дня своей службы в остроге. Он приказал унтер-офицеру объявить всем, что любой, кто придет и пожалуется на поляков, получит от него 500 ударов [Polacy z Wilna...: 122].

Определенно, плац-майор был не лишен чувства благодарности, как и способности мечтать: «При такой квартире нельзя не жениться» (ДЗ0; 4: 217), — серьезным тоном говорил начальник в «Записках...». Что касается чувства

вины, Достоевский словами Горянчикова оценивает раскаяние начальника в поступке с Ж—ким так:

«Стало быть, было же и в этом пьяном, вздорном и беспорядочном человеке человеческое чувство. Взяв в соображение его понятия и развитие, такой поступок можно было считать почти великодушным. Впрочем, пьяный вид, может быть, тому много способствовал» (ДЗ0; 4: 218).

Отец по любви, а не по расчету

Другой значимый образ военного начальства — командир «по инженерной части» Г—ков. Он олицетворяет собой лагерь «благодетельного начальства». Со своей «доверенностью к арестанту, отсутствием мелкой щепетильности и раздражительности, совершенным отсутствием иных оскорбительных форм в начальнических отношениях» (ДЗ0; 4: 215) «орел и заступник» Г—ков по праву может считаться антиподом плац-майору. Недаром автор сталкивает двух персонажей в драке. Прототипом Г—кова стал полевой инженер, подполковник Иван Гладышев [Вайнерман: 159].

Если ненавистный плац-майор появляется на протяжении всего повествования, то орел-командир Г—ков упомянут лишь раз.

«Подполковник Г—ков упал к нам как с неба, пробыл у нас очень недолго, — если не ошибаюсь, не более полугода, даже и того меньше, — и уехал в Россию...» (ДЗ0; 4: 214).

Несмотря на мимолетность его пребывания на страницах книги, на читателя, как и на арестантов, он производит «необыкновенное впечатление» (ДЗ0; 4: 214). Ласковое обращение с арестантами, общение с ними на равных делает его «своим человеком» — они сами принимают его за отца, в отличие от Кривцова, объявившего: «Я буду отцом вам» [Polacy z Wilna...: 99], чтобы не допустить бунта каторжан. Горянчиков называет поведение командира «инстинктивным демократизмом» (ДЗ0; 4: 215). При этом подполковник Г—ков не теряет авторитета и уважения к себе как к начальнику. В глазах арестантов такие характеристики персонажа, как «ужаснейший кутила», «дерзкий, самоуверенный взгляд» (ДЗ0; 4: 215), не имеют отрицательных коннотаций. Именно при подполковнике Г—кове тяжелый физический труд для дворян Горянчикова и Б—кого на три месяца заменяется работой в качестве писарей в инженерной канцелярии. Можно предположить, что командир инженерной команды Иван Гладышев оказывал некоторую поддержку писателю. Полевой инженер стал не просто прототипом персонажа «Записок...». По замечанию Вайнермана, Достоевский возвел его в национальный тип «благодетельного начальника», отразил на примере этого образа «анатомию всех русских отношений к начальству», которая заключается, как отметит писатель в черновых набросках к переработке повести

«Двойник» в 1860–1862 гг., в «юридическом и патриархальном отношении к начальству» [Вайнерман: 161].

Вайнерман был первым, кто упомянул Ивана Гладышева как прототипа подполковника Г—кова. Исследованные им архивные материалы свидетельствуют о том, что командир инженерной команды проходил службу в Омской крепости с середины марта по октябрь 1851 г., во время которой у него возникали разногласия с начальником инженеров Отдельного Сибирского корпуса генералом И. С. Бориславским. Последний считал, что «неспокойный характер» подполковника приведет местное начальство только к «следствиям и разбирательствам». Как Бориславский, так и Гладышев писали рапорты в Петербург с жалобами друг на друга. Вайнерман считает, что генерал знал о рискованном покровительстве подполковника Достоевскому, и объяснил природу этого конфликта так: «Понятно, что появление Гладышева возмутило спокойствие генерала и он приложил все силы, чтобы избавиться от чрезмерно инициативного подчинённого» [Вайнерман: 160].

В итоге 27 октября 1851 г. командир был переведен в Грузинский инженерный округ со следующей характеристикой: «...инженер-подполковник Гладышев оказал себя по должности неисполнительным и по характеру беспокойным» [Вайнерман: 160].

В материалах РГВИА мы обнаружили «дело штаба инспектора по инженерной части о собрании сведений о занятиях штаб и обер офицеров за 1851 год»¹⁹ (см. *Илл. 6 в Приложении*). Среди этих лиц — инженеры Отдельного Сибирского корпуса, в том числе подполковник Иван Гладышев. В документе представлена хронология его службы при разных командах. Гладышев начинает свою карьеру офицера в отдаленном крае — при Бендерской инженерной команде — в 1825 г. За годы службы инженер побывал в самых разных точках Российской империи — от Бендерской, Измаильской, Тифлисской, Бакинской, Шушинской инженерных команд на юге до Санкт-Петербургской, Архангельско-Новодвинской и Свеаборгской на севере. 12 января 1851 г. его назначают командиром Омской инженерной команды, 13 марта он прибывает на место службы. Однако дольше всего он прослужил на Кавказе, куда, впрочем, снова его и отправили после Омска. Связано ли это с тем, что Гладышев действительно обладал беспокойным характером, шел на конфликты с начальством, поэтому пребывал на службе в основном в южных краях империи, куда, как известно, зачастую направляли неугодных, — судить сложно. Но следует иметь в виду, что в затяжной период Кавказской войны²⁰ государству для возведения фортов были остро необходимы инженеры. Этим, помимо прочего, может объясняться, почему прототип нашего персонажа так часто переезжал из одной команды в другую: театр боевых действий на Кавказе не оставался неподвижным. В тексте «Записок...» говорится о том, что плац-майор был сослуживцем подполковника Г—кова. В изученных нами архивных материалах нет четких

указаний на возможность подобных географических пересечений Кривцова и Гладышева, но предполагаем, что прототипы двух персонажей могли быть знакомы друг с другом по службе именно на Кавказе.

Отметим, что Гладышев состоял в Санкт-Петербургской инженерной команде «с употреблением при чертежной Инженерного департамента» в 1845 и 1848 гг. Именно там служил Ф. М. Достоевский в 1843–1844 гг. Разница во времени составляет менее полугода: будущий писатель ушел в отставку 19 октября 1844 г., а Гладышев прибыл на службу в чертежную Инженерного департамента 29 марта 1845 г.

В архивном деле мы обнаружили следующую характеристику инженера:

«По аттестации начальника чертежной Инженерного департамента исполнял с усердием»²¹.

По итогам службы в Свеаборге в 1849 г. Гладышев тоже был удостоен похвального отзыва:

«Работы проводил правильно, точно и чисто, прочие поручения исполнял с усердием»²².

В Омске его обязанности состояли в «наблюдении за производством капитальных и ремонтных работ», но успехи командира инженерной команды были оценены всего одним словом: «Удовлетворительно» (см. *Илл. 7 в Приложении*)²³.

На наш взгляд, образ подполковника Г—кова знаковый еще и потому, что противопоставление командира «по инженерной части» и плац-майора намечает ключевую для творчества Достоевского тему падения и духовного возрождения человека. Г—ков нужен для спасения не только таких, как арестанты, но и как плац-майор. В «Записках...» Достоевский пишет об этом так:

«Боже мой! да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий. <...> Я встречал таких добрых, благородных командиров. Я видел действие, которое производили они на этих униженных. Несколько ласковых слов — и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они, как дети, радовались и, как дети, начинали любить» (*ДЗ0*; 4: 91).

Выпускник медицинского факультета

В отличие от военного, персонажи медицинского начальства в «Записках...» выступают единым фронтом — в образе благодетелей арестантов. Прототип старшего доктора — главный лекарь Омского военного госпиталя Иван Иванович Троицкий — приложил немало усилий, чтобы облегчить участь петрашевцев на каторге.

Из письма священнослужителя Омского кадетского корпуса А. И. Сулоцкого к декабристу М. А. Фонвизину известно, что уже с первых дней в Омской

крепости, по поступлении в госпиталь, врач предостерегал Достоевского «на счет связей с прочими заключенными», а особенно — с дворянами, «из которых некоторые, несмотря на происхождение, усвоили уже хитрость, низость и пр. качества» [Громыко: 27]. Также известно, что Троицкий во время пребывания писателя в лазарете «предлагал ему лучшую пищу, иногда и вино» [Декабристы-литераторы: 624]. Однако Достоевский отказывался от таких предложений и просил только о том, чтобы его чаще принимали в качестве больного в госпиталь и помещали в сухой комнате, что было исполнено. В этой связи показателен отзыв Н. Т. Черевина, служившего старшим адъютантом в Омском корпусном штабе во время заключения писателя в остроге. Во втором выпуске журнала «Русская старина» за 1889 г.²⁴ он опроверг воспоминания А. К. Рожновского о том, что Достоевский подвергался на каторге наказанию розгами со стороны плац-майора Кривцова, и говорил о сочувственном отношении к писателю жены Троицкого (Марии Николаевны²⁵):

«...госпитальные дамы по своей гуманности, в особенности жена старшего доктора г-жа Троицкая, посылали Достоевскому чай и часть из своего обеда»²⁶.

Кроме того, благодаря Сулоцкому раскрывается еще одна подробность, касающаяся покровительства главного лекаря петрашевцам:

«Мы чрез Троицкого, наконец, добились позволения пересылать им по кр<айней> ме<ре> книги св. Писания и духовные журналы» [Декабристы-литераторы: 624].

Но главная услуга, оказанная писателю, состоит в том, что доктор создавал некоторые условия для литературной работы Достоевского в стенах Омского военного госпиталя. Об этом свидетельствуют записки писателя П. К. Мартынова, опубликованные в 1895 г. в «Историческом вестнике» под названием «В переломе века». Писатель записывал пословицы, поговорки, истории, услышанные от арестантов, в своей записной книжке. Так появилась «Сибирская тетрадь» — попытка Достоевского через устное народное слово отразить ту этнографическую, социальную и психологическую действительность, в которую он попал. Владимирцев пишет о значении этого литературного памятника для дальнейшего творчества писателя: «Россия в записях СТ безмерно многолика, “на целые тома достанет”, то есть такая, какая она вошла в каждый “том” из последующих сочинений писателя, будь то “Записки из Мертвого Дома”, “Дневник писателя” или “Братья Карамазовы”» [Владимирцев, 2017: 982].

В «Записках...» Троицкий послужил прототипом для «человеколюбиво-го» и «честного» старшего доктора, который при свидетельстве поступивших арестантов в госпиталь «особенно останавливался над трудными больными, всегда умел сказать им доброе, ободрительное, часто даже задушевное слово

и вообще производил хорошее впечатление» (ДЗ0; 4: 143). Но врач мог «при случае выказать суровую строгость» тем здоровым, кто пришел в лазарет «отдохнуть» и не спешил на выписку: за это его уважали. Эта характеристика созвучна с той, что дана Троицкому в записках Мартьянова. В них рассказано о шести разжалованных гардемаринах, сосланных солдатами в Омскую крепость в то время, когда там находился Достоевский. Достоверность пребывания героев записок в остроге подтверждает письмо Сулоцкого С. Я. Знаменскому в Ялutorовск от 28 января 1850 г., в котором он поименно называет воспитанников Морского кадетского корпуса [Громыко: 35–36]. По сведениям Мартьянова, после окончания срока пребывания петрашевцев на каторге Троицкий получает высокую военную медицинскую должность корпусного штаб-доктора. В книге он характеризуется как «топором срубленный и лыком сшитый человек», «благодаря своим заботам, попечительному и гуманному отношению ко всем больным без исключения, начиная с высшего начальства и кончая последним арестантом-преступником»²⁷. Также в записках писатель дает краткую биографическую справку о враче:

«Он начал службу ординатором в одном из госпиталей новгородского военного поселения (кажется, в Старой Руссе) и во время бунта поселян, в 1831 году, избежал смерти по любви к нему подчиненных солдат»²⁸.

В архивных документах, приводимых М. М. Громыко, информация о Троицком, данная в записках Мартьянова, подтверждается: главный лекарь действительно был повышен до корпусного штаб-доктора после окончания срока каторги Достоевского [Громыко: 27]. Вайнерман дополнил эти сведения тем, что в Омске Троицкий оказался по назначению в батальон военных кантонистов и перед приездом петрашевцев в острог, находясь в чине коллежского советника (VI класс²⁹), стал главным лекарем Омского военного госпиталя; а затем, в первой половине 1854 г., был произведен в статские советники (V класс) и назначен корпусным штаб-доктором [Вайнерман: 122].

Однако есть доводы, ставящие под сомнение достоверность сведений Мартьянова. В фонде Главного военно-медицинского управления РГВИА нами обнаружено дело с формулярным списком о службе штаб-доктора Отдельного Сибирского корпуса, статского советника Троицкого от 19 марта 1858 г.³⁰ (см. *Илл. 8 в Приложении*). Несмотря на сухость изложения, свойственную такого рода документам, нам открывается масса новых подробностей из жизни прототипа старшего доктора из «Записок...», прежде всего, о его блестящей карьере.

На март 1858 г. Троицкому было 53 года. Иван Иванович родился в семье дьякона, обучался в тульской семинарии. 19 ноября 1825 г. он уволился из духовного звания и «по экзамену» был зачислен в главное высшее учебное заведение Российской империи — Императорский Московский университет — «в число казенных воспитанников Медицинского Института»³¹. На

медицинском факультете преподавал двоюродный дед Ф. М. Достоевского по материнской линии — доктор медицины и ординарный профессор Василий Михайлович Котельницкий³². Во времена студенчества Троицкого (1825–1829) в 1826 г. он был инспектором своекоштных студентов (сами содержали себя в период обучения), а в 1827–1828 гг. — казенных. Кроме того, в 1826–1827 гг. Котельницкий занимал должность декана³³. Немудрено, что И. И. Троицкий хорошо знал двоюродного деда автора Сибирской трагедии. В воспоминаниях А. М. Достоевского, младшего брата писателя, мы находим такой отзыв бывшего слушателя профессора Котельницкого:

«При этом Успенский сообщил мне, что Василий Михайлович Котельницкий был очень любим и уважаем всеми студентами вообще, потому что он был всегдашним защитником и ходатаем за всех студентов в совете университета»³⁴.

Следует отметить, отбор в медицинские учебные заведения со второй половины XVIII в. происходил, «главным образом, из числа семинаристов: те имели достаточную общеобразовательную подготовку, в том числе по латинскому языку» [Смирнова: 8]. Не сильно изменилась ситуация и в следующем столетии: «Открытые в начале XIX в. новые медицинские факультеты заполнялись, в основном, представителями средних слоев общества. По-прежнему преобладали выходцы из среды духовенства» [Смирнова: 8].

Троицкий успешно сдал экзамен на степень лекаря. 28 марта 1829 г. он был отправлен «для практики» в Московский военный госпиталь (кстати говоря, там в 1818–1820 гг. должность ординатора исполнял М. А. Достоевский — отец писателя [Волоцкой: 48]) и 21 апреля был утвержден лекарем I отделения (с «превосходными знаниями» [Гатина, Вишленкова: 175]). 17 мая его назначили на службу в военное ведомство и определили в резервный батальон Нижегородского пехотного полка, а 10 июля — перевели в Киевский гренадерский полк. Затем, 29 сентября, Троицкий был на время командирован в госпиталь Его Величества Императора Австрийского полка³⁵. Следующие записи в его формулярном списке датируются уже 1832 г.: 11 августа он произведен штаб-лекарем (штаб-лекарское звание давало право занимать ответственные административные должности — см.: [Смирнова: 9]) и 13 декабря определен в командировку в 7-ой округ пахотных солдат³⁶, куда прибыл 1 января 1833 г. Эти данные немного расходятся с записками Мартыанова. В них сообщается, что Троицкий начал карьеру в одном из госпиталей новгородского военного поселения³⁷. Его пребывание там действительно возможно, так как военные поселения, преобразованные в округа пахотных солдат, находились в Новгородской губернии; Мартыанов допускает неточность во времени. Но непосредственно к Старой Руссе Троицкий имел отношение: 14 июля 1844 г. он стал главным лекарем в Старорусском военном госпитале. Вероятно, рассказ

о том, как ординатор был спасен во время бунта 1831 г., переодевшись в солдатское платье, — авторский вымысел.

О высоком авторитете Троицкого в области медицины и естественных наук свидетельствуют следующие записи. 19 сентября 1844 г. Иван Иванович был назначен членом комитета для устройства в Старой Руссе ванн при соляных источниках — тех самых, где через 30 лет будут поправлять свое здоровье жена Достоевского Анна Григорьевна с детьми — Любой и Федей³⁸. С 1 августа 1847 г. по 1 августа 1854 г. преподавал естественную историю при Сибирском кадетском корпусе. 17 июля 1848 г. командирован в г. Тобольск для исследования вспышки холеры. А в конце 1848 г. находился «особым врачом при приеме рекрут» (в случае затруднения принятия решения врачом — членом присутствия — призывался для совместного медицинского осмотра рекрута — см.: [Иванов, Иванова: 81]) в Омском Отдельном рекрутском присутствии. Кроме того, Троицкий являлся кавалером орденов Св. Анны 3 и 2 степеней и имел знак отличия беспорочной службы за 25 лет. О незаурядности врача может сказать приписка в конце формулярного списка Ивана Ивановича:

«К награждению знаком отличия беспорочной службы высшего достоинства, хотя не выслужил срока, но достоин»³⁹.

Учитывая условия пожалования в «медицинские чины» в XIX в. («Производство в чины зависело, прежде всего, от выслуги и в меньшей степени — от заслуг» [Смирнова: 11]), можно говорить о том, что в случае с Троицким определяющую роль сыграли именно заслуги.

Из однодворцев Брацлавского уезда

Кроме старшего доктора Троицкого, из медицинского начальства в «Записках...» также присутствует ординатор:

«В то время у нас был ординатором один молоденький лекарь, знающий дело, ласковый, приветливый, которого очень любили арестанты и находили в нем только один недостаток: “слишком уж смирен”» (ДЗ0; 4: 141).

Установить возможный прототип этого персонажа мы можем по свидетельству друга Достоевского А. Е. Ризенкампа, который был в Омске и писал, что ординатором арестантских палат в госпитале являлся Иван Яковлевич Ловчинский, «добрый и сострадательный человек»⁴⁰. Однако Сулоцкий характеризует Ловчинского вместе с врачом Крыжановским как бывших подчиненных главного лекаря, с которыми тот находился в постоянной борьбе. По сведениям Вайнермана, Крыжановский на самом деле писал доносы на Троицкого в Петербург по поводу его покровительства петрашевцам. Но нет подобных свидетельств о Ловчинском [Вайнерман: 123].

В послужных списках медицинских чинов военно-учебных заведений за 1865 г. значится старший лекарь Омского училища военного ведомства, надворный советник Яков Яковлевич Ловчинский⁴¹ (см. Илл. 9 в *Приложении*). Как сообщает Вайнерман, в исследованных им документах Исторического архива Омской области прототип ординатора тоже упоминается под именем Якова [Вайнерман: 123], а не Ивана. На 1 января 1866 г. Ловчинский был 53 лет от роду. Значит, во время исполнения должности ординатора в Омском военном госпитале в 1852 г. ему было 39 лет. Ловчинский был женат — на дочери надворного советника Иринарха Оверова Марии. Он был исключен из однодворческого звания Подольской губернии Брацлавского уезда⁴². Возникает еще одно удивительное совпадение. Ведь именно в Брацлавском повете⁴³ располагалось родовое гнездо ближайших предков Достоевского — село Войтовцы. Там в 1781 г. был посвящен в сан униатского священника сын мелкопоместного шляхтича Андрей Григорьевич Достоевский, дед писателя. Там же родился и его отец Михаил [Волгин: 48–49, 54]. В отличие от своего отца (деда Ф. М. Достоевского), он не принадлежал к униатской церкви. Михаил Андреевич обучался в православной Подольско-Шаргородской семинарии. Заметим также, что прототип ординатора Ловчинский исповедовал католицизм. Это было нормальным явлением для мест, вошедших в состав Российской империи по второму разделу Польши в 1793 г. Осенью 1809 г. Михаил Достоевский покинул родные места для обучения в Москве — за 4 года до рождения Ловчинского.

Как выясняется из архивного дела, жизненные пути ординатора Омского военного госпиталя и отца автора «Записок из Мертвого Дома» схожи не только этим. Следующее пересечение — Императорская Московская медико-хирургическая академия — единственное в городе специализированное медицинское высшее учебное заведение. Его студентом некогда и был Михаил Андреевич Достоевский. Тридцатью годами позже Ловчинский обучался там своекоштным воспитанником. В январе 1839 г. по результатам экзамена он был признан аптекарским гезелем (должность помощника аптекаря) I отделения. Затем, в 1846 г., Яков Яковлевич успешно сдал экзамен на лекаря уже в Императорском Московском университете и по собственному прошению был определен на службу в Омский батальон младшим лекарем. В Омский военный госпиталь Ловчинского перевели 24 мая 1849 г., но время от времени он находился в различных местных командировках⁴⁴, пока по какой-то причине не сдал должность ординатора 31 июля 1852 г. и снова не вступил в нее 17 ноября. Судя по записям в его послужном списке, наиболее продолжительное время в Омске Яков Яковлевич пребывал на протяжении 1852–1853 гг., когда, вероятней всего, и мог застать Достоевского в арестантских палатах. Что касается успехов в карьере, то в течение одного 1863 г. Ловчинский «за отлично усердную и ревностную службу» был награжден орденом Св. Станислава 3 степени и переведен уже старшим лекарем в Омское училище военного ведомства.

В следующем году он дослужился до надворного советника (VII класс). Также Ловчинский имел светло-бронзовую медаль на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг. Не меньший интерес в биографии Якова Яковлевича вызывает участие в боевых сражениях. Ловчинский не мог иметь прямого отношения к Крымской войне. Медаль на Владимирской ленте предназначалась «военным и гражданским чинам всех ведомств, не получившим медали на Георгиевской и Андреевских лентах» (их получали те, кто участвовал в военных действиях или находился на территории, объявленной на осадном или военном положении) [Петерс: 174]. Ловчинский, служивший в Сибири, как раз попадал под эту категорию. Обладателем такой же медали был и Достоевский, как выясняется из временного билета № 2030, выданного ему 30 июня 1859 г. для въезда в Тверь [Достоевский Ф. М., 1928: 543]. Писатель мог получить ее при производстве в первый офицерский чин (1 октября 1856 г.) или же после возвращения дворянства в 1857 г., поэтому персонального документа об этом, вероятно, не существовало вообще⁴⁵. Очевидно, награждения этой медалью шли не в индивидуальном порядке, а «списком». За 1853–1856 гг. в послужном списке Якова Яковлевича дается мало сведений, которые могут сказать нам о месте его пребывания. Зато в документе мы находим подтверждение участия Ловчинского в занятии Заилийского края в 1851 г. в наступательном движении русских из Сибири в Среднюю Азию:

«Находясь в составе экспедиционного отряда командирован <...> для разрушения построенного кохандскими кипчаками Таугадского укрепления под начальством Сибирского казачьего войска подполковника Карбышева»⁴⁶.

В образах прототипов Троицкого и Ловчинского, как и в случае с Гладышевым, типизированы национальные черты:

«Известно всем арестантам во всей России, что самые сострадательные для них люди — доктора. Они никогда не делают между арестантами различия, как невольно делают почти все посторонние, кроме разве одного простого народа» (Д30; 4: 46).

Достоевский сближает народ и докторов в способности к состраданию, что не случайно: большинство врачей в XIX в. не были выходцами из дворянского сословия, а в основном происходили из духовенства, наиболее приближенного к простому народу и к традиционным христианским ценностям. Недаром Горянчиков замечает, что, несмотря на недоверие к административной медицине и склонность к суеверию, «много лекарей на Руси пользуются любовью и уважением простого народа» (Д30; 4: 142). Для Достоевского, как и для остальных арестантов, доктора, гуманные уже в силу своей профессии, видятся прежде всего защитниками, «прибежищем», не только от работ и наказания, но и от нечеловеческого обращения военных

начальников: в госпитале находили утешение и отдохновение больной души. Об этом писатель размышляет в «Записках...»:

«Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали их за отцов, уважали их. Всякий видел от них себе ласку, слышал доброе слово; а арестант, отверженный всеми, ценил это, потому что видел неподдельность и искренность этого доброго слова и этой ласки. Она могла и не быть; с лекарей бы никто не спросил, если б они обращались иначе, то есть грубее и бесчеловечнее: следственно, они были добры из настоящего человеколюбия» (ДЗ0; 4: 137–138).

В материалах РГВИА обнаруживаются ранее неизвестные детали биографий реальных людей на каторге, которые напрямую повлияли на жизнь и творчество Ф. М. Достоевского. Кривцов, Гладышев, Троицкий, Ловчинский послужили прототипами опорных художественных образов «Записок...» и позволили типизировать в этих героях некоторые национальные черты. Выявленные эпизоды в судьбе Кривцова дают возможность по-новому оценить противоречивость образа плац-майора в «Записках...»; формулярный список Гладышева обосновывает противопоставление плац-майора командиру «по инженерной части», художественную потребность национального типа «благотельного начальника»; успехи в карьере Троицкого и Ловчинского подтверждают их положительные характеристики в произведении, связанные в том числе и с восприятием врачей в народном сознании.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 Достоевский («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

** Написание прописных букв в названии «Записки из Мертвого Дома» восстанавливаем, как у Достоевского.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4. С. 279–288. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома, полутома (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

² Прототипом для коменданта в «Записках...» послужил полковник, комендант Омской крепости Алексей Федорович де Граве.

³ Прототипы Б—кого и Т—ского в «Записках...».

⁴ Юзеф Богуславский попал на каторгу 31 октября 1849 г., а Кривцов вступил в должность плац-майора 2 октября 1846 г.

⁵ Благодаря архивному делу «О дерзком поступке арестанта омской крепости Чикарева против тамошнего плац-майора» (РГВИА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3595) Б. В. Федоренко установил точное имя арестанта — Влас Чикарев.

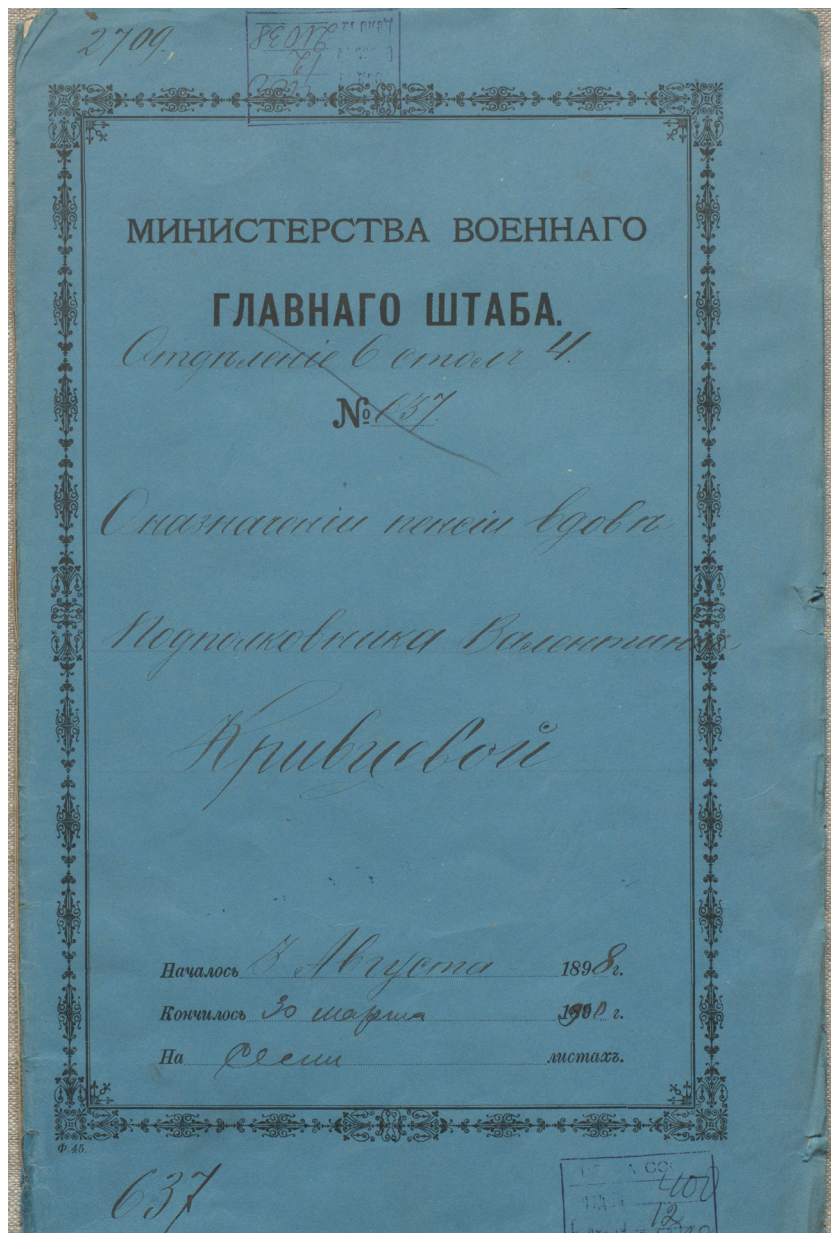
⁶ Здесь и далее цитаты из рукописного текста мемуаров Богуславского приводятся в переводе А. Г. Подрябинкиной. За проверку переводов автор выражает благодарность Мартину Боровски (dr Marcin Borowski, Uniwersytet Wrocławski).

⁷ Прототип Ж—кого в «Записках...».

- ⁸ Эта информация дана по материалам дела «О прибыли, убыли и наличном числе арестантов в омской крепостной работе» // РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1280.
- ⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038.
- ¹⁰ Там же. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 4 об.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Вероятно, описка. Правильно: тугостью
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 4.
- ¹⁵ Речь идет об операциях русских войск на Северо-Западном Кавказе 1828–1840 гг. в ходе Кавказской войны.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 529. Л. 623–627.
- ²⁰ «Кавказская война (1817–1864) — принятое в литературе название военных действий между российскими войсками и горскими народами в ходе завоевания Россией Северного Кавказа» (Современная энциклопедия. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/20726> (10.11.2019)).
- ²¹ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 529. Л. 626.
- ²² Там же. Л. 626, 627.
- ²³ Там же. Л. 627.
- ²⁴ Черевин Н. Т. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский (Омский острог) // Русская старина. 1889. Т. 61. № 2. С. 318.
- ²⁵ Имя жены Троицкого установил В. С. Вайнерман по материалам Исторического архива Омской области.
- ²⁶ Черевин Н. Т. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский (Омский острог). С. 318.
- ²⁷ Мартыанов П. К. В переломе века. (Отрывки из старой записной книжки). П. Морячки // Исторический вестник. 1895. Т. 62. № 11. С. 458.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Классы приводятся согласно «Табели о рангах», учрежденной указом Петра I в 1722 г.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 7946. Л. 172–185.
- ³¹ Там же. Л. 172 об.
- ³² За подсказку благодарим руководителя проекта И. Л. Волгина [беседа]. 21.10.2019.
- ³³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенный по азбучному порядку / ред. о. проф. С. Шевырев. Москва: Унив. тип., 1855. Т. 1. Ч. 1. С. 431.
- ³⁴ Достоевский А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1930. С. 39.
- ³⁵ Дислоцировался в Варшаве.
- ³⁶ Округа пахотных солдат находились в Новгородской губернии в 1832–1857 гг.
- ³⁷ В 1831 г. новгородские военные поселения были преобразованы в округа пахотных солдат.
- ³⁸ И. Л. Волгин [беседа]. 21.10.2019.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 7946. Л. 185 об.
- ⁴⁰ См. Письмо А. Е. Ризенкампа к А. М. Достоевскому от 10 марта 1881 г. // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 551. (Литературное наследство; т. 86).

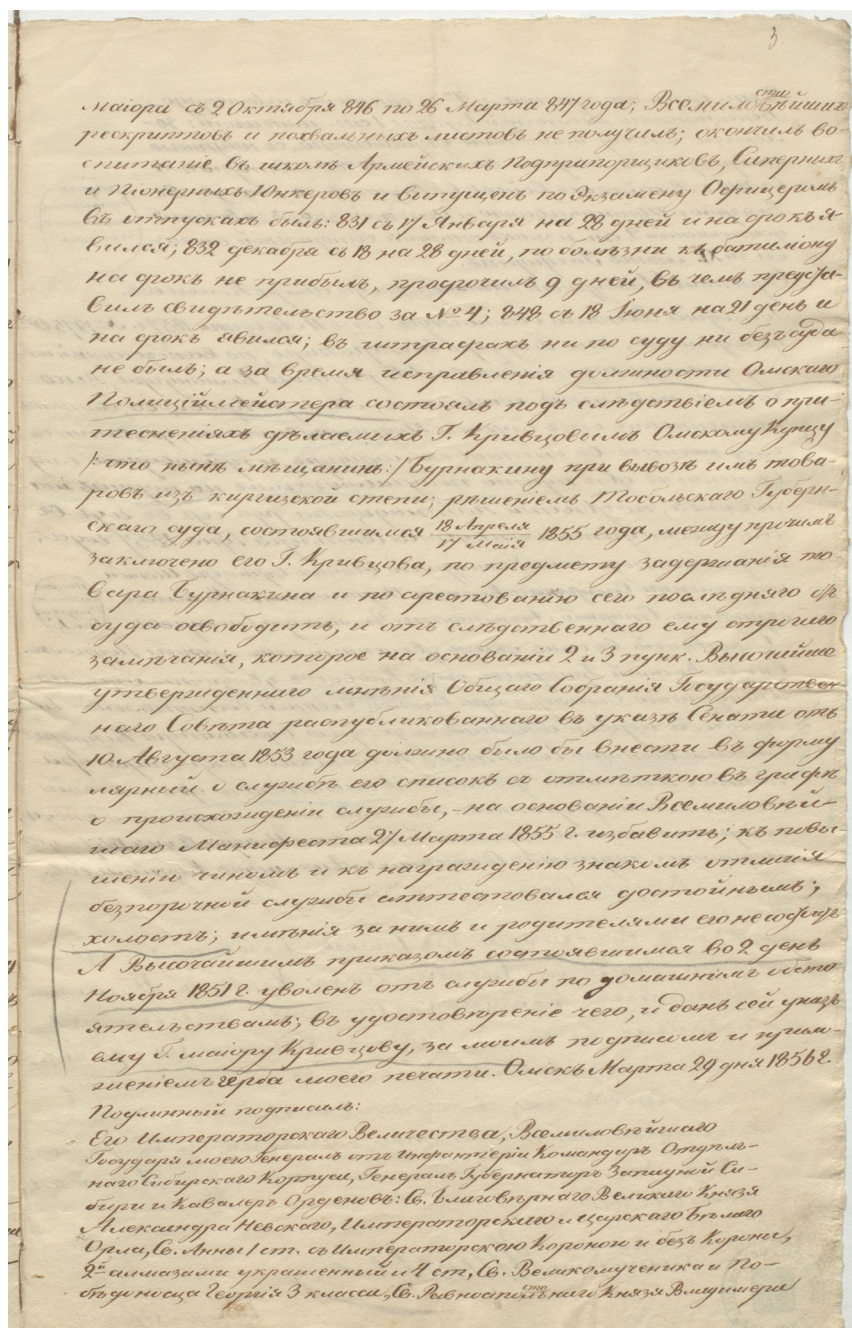
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 676. Л. 465–474.
- ⁴² Однодворцы как сословная категория занимали положение между помещиками и крестьянами.
- ⁴³ Административно-территориальная единица в Польше и до 1929 г. на Украине, соответствующая уезду (см.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/216000> (10.11.2019)).
- ⁴⁴ С 28 сентября 1850 г. по 15 марта 1851 г. Ловчинский был откомандирован для заведования лазаретом Сибирских линейных № 4, 5 и 6 батальонов и пользования больных по омскому гарнизону. С 7 мая по 30 августа 1852 г. — в город Омск для заведования лазаретами конноартиллерийской бригады и 6-го казачьего полка и пользования квартирующими Г.г. штаб и обер-офицеров и нижних чинов с их женами и детьми. При этом 26 июня его перевели в оренбургскую войсковую врачебную управу младшим лекарем. 15 октября этого же года Ловчинский оставлен при прежнем месте службы в Омском военном госпитале младшим ординатором.
- ⁴⁵ И. Л. Волгин [беседа]. 21.10.2019.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 676. Л. 466.

Приложение

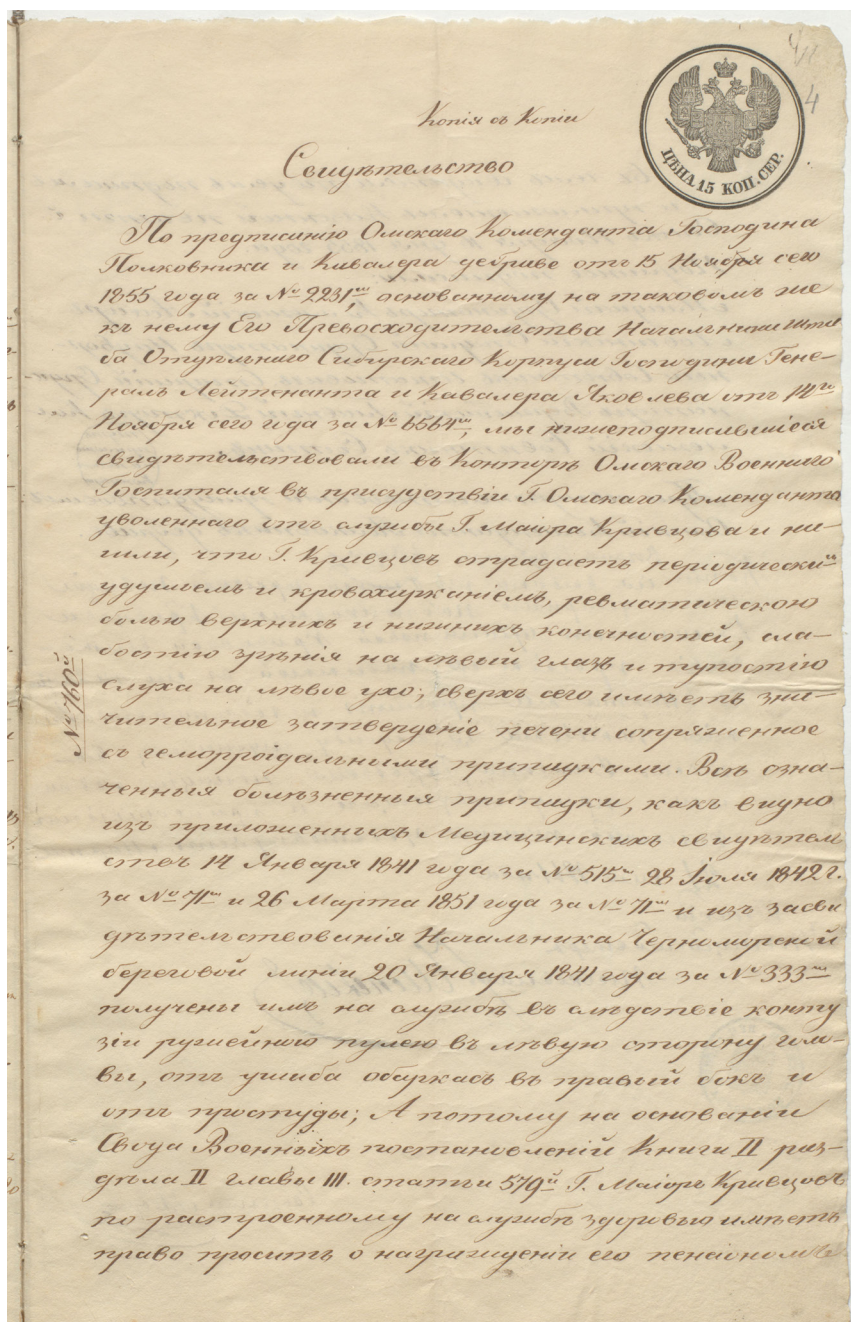
Илл. 1. Дело о назначении пенсии вдове подполковника Валентине Кривцовой (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038)

Fig. 1. The Case Pension Assignment to the Lieutenant-Colonel's Widow Valentina Krivtsova (Russian State Military Historical Archive. F. 400.12.21038)

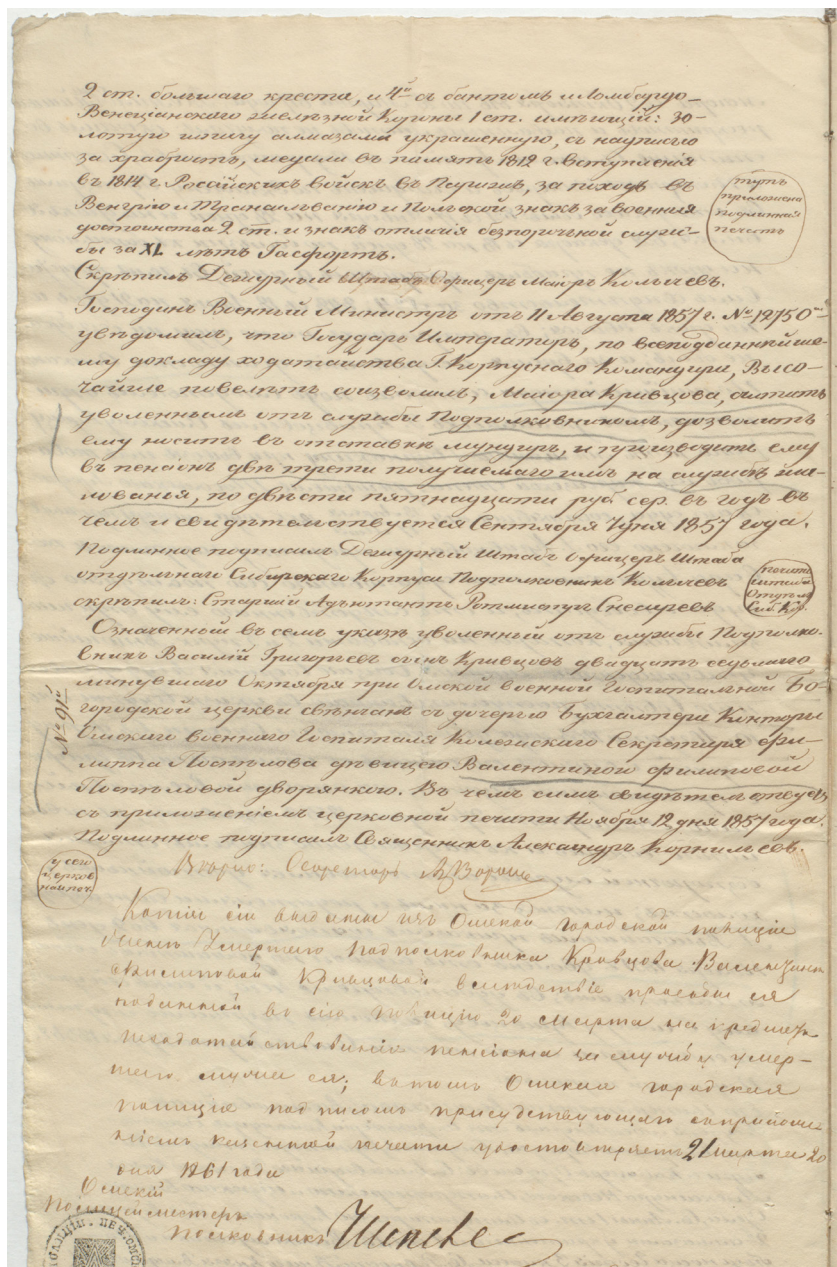
Илл. 3. Свидетельство следствия над Кривцовым
(РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 3)

Fig. 3. Evidence of the Krivtsov Investigation (Russian State Military Historical Archive, F. 400.12.21038, Fol. 3)

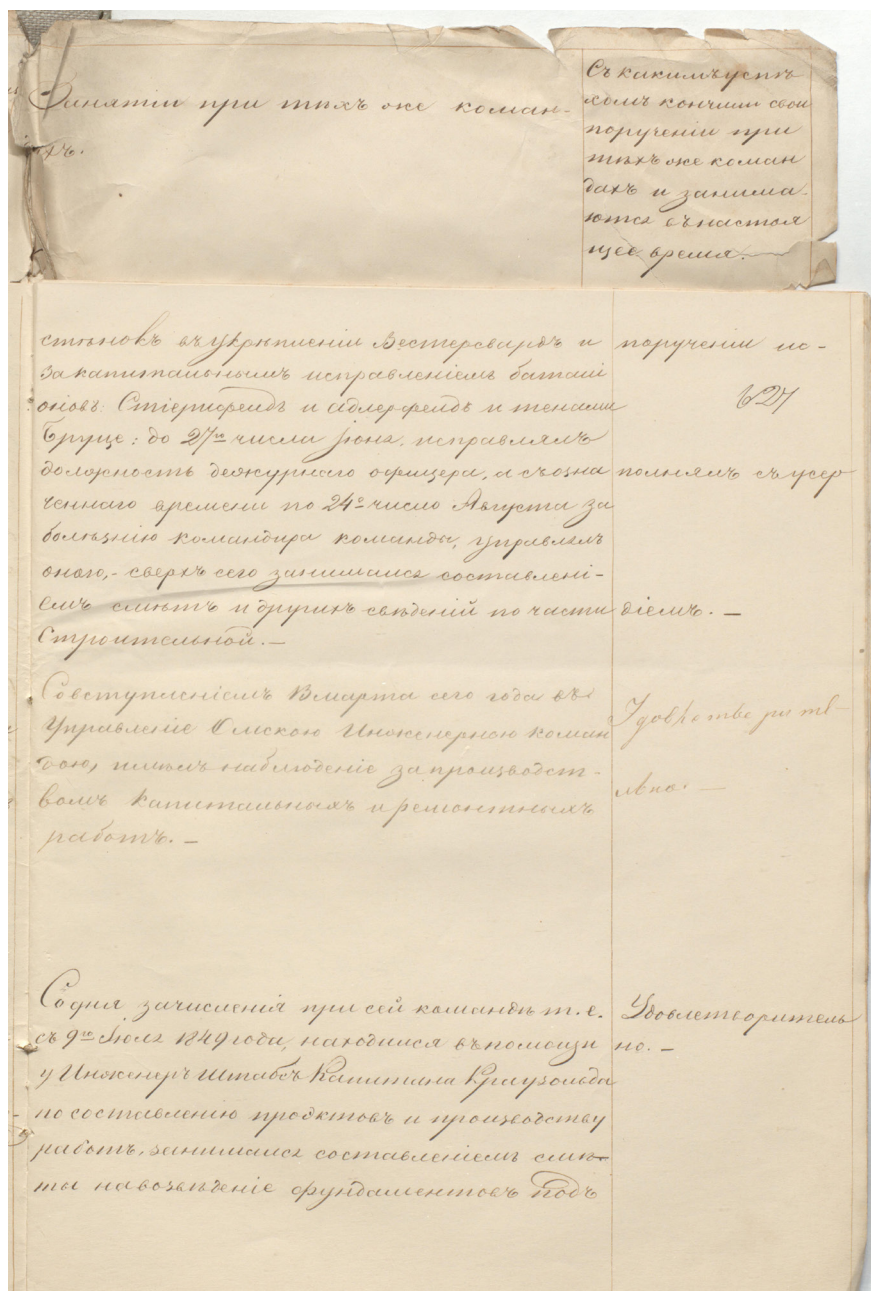
Илл. 4. Медицинское свидетельство В. Г. Кривцова и его право на пенсион (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 4)

Fig. 4. Medical Certificate of V. G. Krivtsov and His Right to a Pension (Russian State Military Historical Archive. F. 400.12.21038. Fol. 4)

Илл. 5. Право В. Г. Кривцова на мундир и пенсион в отставке и свидетельство
о венчании с дворянкой Валентиной Поспеловой
(РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 3 об.)

Fig. 5. V. G. Krivtsov's Right to a Uniform and a Pension in Retirement and a Certificate of Marriage with a Noblewoman Valentina Pospelova (Russian State Military Historical Archive. F. 400.12.21038. Fol. 3 Reverse)

Илл. 7. Занятия и характеристика Ивана Гладышева при работе в Свеаборгской и Омской инженерных командах (РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 529. Л. 627)

Fig. 7. Activities and Character Assessment of Ivan Gladyshev During His Employment with the Sveaborg and Omsk Engineering Teams (Russian State Military Historical Archive. F. 312.2.529. Fol. 627)

Илл. 8. Формулярный список статского советника, корпусного штаб-доктора
Отдельного Сибирского Корпуса И. И. Троицкого
(РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 7946. Л. 172–185)

Fig. 8. A Service Record of the State Councilor, Corps Staff Doctor of the Separate Siberian Unit I. I. Troitsky (Russian State Military Historical Archive. F. 546.2.7946. Fol. 172-185)

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Чинъ, имя, отчество, фами- лія, должность, званіе отъ ро- ду, въроисповѣданіе, знаки, отличія и получаемое содер- жаніе.	Изъ ка- кого зва- нія про- сходитъ?	Есть ли имѣніе:				Гдѣ получилъ воспитаніе и окончилъ ли заведеній позній курсъ наукъ, когда службу вступилъ, какими чинами, въ ка- кой должности и гдѣ проходить оную; не было ли какихъ особенныхъ по службѣ или отличій; не былъ ли особенно, при чинѣ чѣмъ награждаемъ, и въ какое время сверхъ того, если находясь подъ судомъ судимъ, былъ оправданъ и признанъ виновнымъ: то когда и за что именно былъ преданъ суду и чѣмъ дѣло кончилось?	
		Родовое.	Благопрі- обретенное.	Родовое.	Благо- пріобрѣ- тенное.		
Надворный со- ветникъ Яковъ Яковлевичъ сынъ Ловчинскій Спир- идий Андрѣеви- ча сына Зимицы Василія воево- ды	Изъ ка- кого зва- нія про- сходитъ?					Въ Императорской Московской Медицинской школѣ Академіи обер-про- директора воспитан- никъ или Экзамени- рской присяжный аптекар- ский помощникъ первого отряда	
Пятидесяти трѣхъ лѣтъ.						Императорской Московской Универзитет- ской университетской Экспериментальной химической лабораторіи шестнаго года	
Ранко-Котам- ская воеводина						Въ Императорской Московской Универзитет- ской университетской Экспериментальной химической лабораторіи шестнаго года	
Кавалеръ Ордена Св. Станислава						Въ Императорской Московской Универзитет- ской университетской Экспериментальной химической лабораторіи шестнаго года	
Въспитанникъ Св. Синодальной Свято-Спасской церкви на Владимі- ирской епархіи Воспитанникъ воево- ды						Въ Императорской Московской Универзитет- ской университетской Экспериментальной химической лабораторіи шестнаго года	
1853-1856 годовъ						Въ Императорской Московской Универзитет- ской университетской Экспериментальной химической лабораторіи шестнаго года	

Илл. 9. Послужной список надворного советника, старшего лекаря Омского училища военного ведомства Я. Я. Ловчинского (РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 676. Л. 465–474)

Fig. 9. A Service Record of the Court Adviser, Senior Doctor of the Omsk Military School Ya. Ya. Lovchinsky (Russian State Military Historical Archive. F. 725.52.676. Fol. 465–474)

Список литературы

1. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» (Ф. М. Достоевский и Сибирь). — 3-е изд., испр. и доп. — Омск: Наука, 2014. — 392 с.
2. Владимирцев В. Книга века // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — Т. 3. — С. 754–763.
3. Владимирцев В. П. «Сибирская тетрадь» в творчестве Ф. М. Достоевского и русской этнологической культуре // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. — Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. — С. 953–1014.
4. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский: начало начал. — М.: Академический проект, 2018. — 749 с.
5. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского (1506–1933) / под ред. М. Цявловского; предисл. П. М. Зиновьева. — М.: Север, 1933. — 443 с.
6. Гатина З. С. Вишленкова Е. А. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2014. — № 1 (18). — С. 168–178.
7. Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. — Новосибирск: Наука, 1985. — 168 с.
8. Декабристы-литераторы // Литературное наследство. — М.: Наука, 1956. — Т. 60. — Кн. 1. — 674 с.
9. Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / под ред. А. С. Долинина. — М.; Л.: Госиздат, 1928. — Т. 1. — 594 с.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
11. Дьяков В. А. Каторжные годы Ф. М. Достоевского (по новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Историография и источники. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 196–220.
12. Иванов Ф. Н., Иванова А. Н. Работа медицинских чиновников в составе рекрутских присутствий в 1831–1874 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 6 (68). — Ч. 2. — С. 80–83.
13. Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи XIX–XX веков. Каталог. — М.: Археографический центр, 1996. — 291 с.
14. Смирнова Е. М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII — середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. — 2011. — № 28 (2). — С. 6–16.
15. Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / перев. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. — 980 с.
16. Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak. — Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2016. — Т. 4. — 331 s.

Mikhail A. Kalinin

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

mckalinin99@gmail.com

Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's *The House of the Dead* (Based on Archival Materials)

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky ("Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Lacunae. Perception of His Life and Work in the Russian National Consciousness (1881–1921)").

Abstract. The article introduces new archival materials into scientific discourse, i. e., the service records of the identified prototypes of official authority figures in *The House of the Dead* by F. M. Dostoevsky. The archival documents provided an opportunity to fill in the gaps in the biographies of those who held military and medical posts during the writer's Siberian exile: major Krivtsov, field engineer Gladyshev, head physician Troitsky and resident physician Lovchinsky. It also allowed us to see which of the officials' traits were depicted in the novel's characters. A number of events and details were revealed thanks to the memories of the exiled Pole Joseph Boguslavsky. Thus, the prototypical nature of the characters in *The House of the Dead* was clarified as new facts were revealed and the already known details were revised.

Keywords: Dostoevsky, *Notes from the Dead House*, image of official, image of doctor, national type, Krivtsov, Gladyshev, Troitsky, Lovchinsky, Boguslavsky, Tokarzhevsky

About the author: Kalinin Mikhail A. — Journalism Student, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 9 c 1, Moscow, 119019, Russian Federation)

Received: December 1, 2019

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Kalinin M. A. Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's *The House of the Dead* (Based on Archival Materials). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 69–100. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501 (In Russ.)

References

1. Vaynerman V. S. «*Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati...*» (F. M. Dostoevskiy i Sibir') ["*I Entrust Myself to Your Good Memory...* (F. M. Dostoevsky and Siberia)]. Omsk, Nauka Publ., 2014. 392 p. (In Russ.)
2. Vladimirtsev V. Book of the Century. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, vol. 3, pp. 754–763. (In Russ.)
3. Vladimirtsev V. P. "The Siberian Notebook" in the Works of F. M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols*]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2017, vol. 2: Researches. Proceedings for the Comment, pp. 953–1014. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskiy: nachalo nachal* [Born in Russia. Dostoevsky: The Beginning of the Beginning]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 749 p. (In Russ.)
5. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo (1506–1933)* [*The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty (1506–1933)*]. Moscow, Sever Publ., 1933. 443 p. (In Russ.)

6. Gatina Z. S., Vishlenkova E. A. System of Scientific Certification in Medicine in Russia in the First Half of the 19th Century. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture], 2014, no. 1 (18), pp. 168–178. (In Russ.)
7. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druž'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854 gg.* [Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)
8. The Decembrists-Writers. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1956, vol. 60, book 1. 674 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Pis'ma: v 4 tomakh* [Letters: in 4 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1928, vol. 1. 594 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
11. Dyakov V. A. The Years of Penal Servitude of F. M. Dostoevsky (According to New Sources). In: *Politicheskaya ssylka v Sibiri. XIX — nachalo XX v. Istoriografiya i istochniki* [Political Exile in Siberia. The 19th — Early 20th Century. Historiography and Sources]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 196–220. (In Russ.)
12. Ivanov F. N., Ivanova A. N. The Work of Medical Officials as Part of Recruiting Bodies in 1831–1874. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: v 2-kh chastyakh* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice: in 2 Parts]. Tambov, Gramota Publ., 2016, no. 6 (68), part 2, pp. 80–83. (In Russ.)
13. Peters D. I. *Nagradnye medali Rossiyskoy imperii XIX–XX vekov. Katalog* [Award Medals of the Russian Empire of the 19th and 20th Centuries. Catalog]. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1996. 291 p. (In Russ.)
14. Smirnova E. M. “Medical Ranks” in the Russian Province (18th — Mid 19th Century). In: *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2011, no. 28 (2), pp. 6–16. (In Russ.)
15. Tokarzhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. *Sibirskoe likholet'e* [Siberian Troubled Years]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 980 p. (In Russ.)
16. *Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak* [Poles from Vilnius and Żmudzi in Exile. Lines in Polish Diaries and Letters (1795–1918). Memoirs of Józef Bogusławski and Father Mateusz Wejt. Compiled By Mariusz Nowak]. Kielce, Jan Kochanowski University Publ., 2016, vol. 4. 331 p. (In Polish)